

Иван Ильин

**Философия Гегеля как
учение о конкретности Бога и
человека**

Том 1 Учение о Боге

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
И46

И46 **Ильин И.А.**
Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: Том 1 Учение
о Боге / Иван Ильин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 317 с.

ISBN 978-5-458-54641-6

ISBN 978-5-458-54641-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Въ преддверіи новыхъ исканій и достиженій, въ борьбѣ за духовную чистоту, за подлинность опыта и предметность познанія, — философіи естественно обращаться къ своему прошлому, для того, чтобы находить въ его лучшихъ созданіяхъ вдохновеніе и напутствіе. Истинно великое и значительное всегда остается очагомъ духа, способнымъ зажечь новые огни и дающимъ вѣрный знакъ о новыхъ, грядущихъ побѣдахъ. Геніальное созданіе служить какъ бы дверью для всякаго, отыскивающаго доступъ къ самому предмету, но надо сумѣть не загородиться этою дверью отъ предмета, а открыть ее для себя и для другихъ: открыть для того, чтобы начать борьбу за самостоятельный, подлинный опытъ и за истинное, предметное знаніе. Въ этомъ—высшая и основная задача исторіи философіи.

Страннымъ и непонятнымъ можетъ показаться „возрожденіе“ гегеліанства на первый взглядъ, особенно тому, кто не слѣдитъ за судьбою нѣмецкаго идеализма. Да и освѣдомленному уму могло бы показаться, что послѣ разрушительной работы Бахмана, Тренделенбурга, Гайма, Гартмана и Макъ-Таггарта, послѣ того глубокаго охлажденія къ ученію Гегеля, которое постепенно установилось въ Германіи во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка, послѣ состоявшагося возвращенія къ Канту и въ виду явной тенденціи къ раздѣленію единой философіи на цѣлый рядъ самостоятельныхъ и специальныхъ наукъ,—трудно было бы ожидать „возрожденія“ гегеліанства. А, между тѣмъ, оно возрождается, и притомъ именно не во Франціи, гдѣ ему предстоитъ еще только „зародиться“, и не въ Италіи или Англіи, гдѣ интересъ къ Гегелю все возрасталъ и укрѣплялся, начиная съ пятидесятихъ-шестидесятихъ годовъ,

а именно въ Германіи, изжившей до конца свое философское наслѣдіе и нынѣ ищущей творческаго выхода изъ предметной пустоты

Четверть вѣка тому назадъ покойный князь С. Н. Трубецкой, глубоко цѣнившій ученіе Гегеля, посѣтивъ Германію, указывалъ на то, что Гегеля тамъ мало изучаютъ и плохо знаютъ; и трудно не признать, что и теперь еще немного въ этомъ отношеніи измѣнилось къ лучшему. Не говоря уже о множествѣ извѣстныхъ, работающихъ въ философи, ученыхъ, которымъ Гегель остается совѣтъ чуждымъ (таковы психологи, кантіанцы, фихтеанцы, фризланцы, эмпирики, релятивисты и другіе), но и среди тѣхъ, которые пишутъ о Гегелѣ, а еще болѣе говорятъ о немъ, — очень немного такихъ, которые дѣйствительно углубились въ историко-философское изученіе его системы. Старшее поколѣніе не обращалось къ нему сознательно, хотя и восприняло многое изъ философской атмосферы его времени; а молодое поколѣніе не сумѣло еще найти самостоятельный подходъ къ его философи и вработаться въ строи его идей. Вотъ почему „возрождающееся“ гегелианство застаётъ всѣхъ какъ бы въ нѣкоторомъ безпомощности: глубокому и внутренне-мотивированному тяготѣнію не соответствуетъ достаточное знаніе того, къ чему влечется духъ и мысль. О Гегелѣ говорятъ и пишутъ, но не знаютъ точно, чему же именно онъ училъ и чего хотѣлъ; литература о немъ изобилуетъ самыми курьезными сужденіями и недоразумѣніями; повидимому, никто не замѣчаетъ, что здѣсь что то упущено, что утраченъ нѣкоторый заповѣдный входъ, который непременно долженъ быть вновь отысканъ. И только Виндельбандъ, со свойственнымъ ему глубокимъ взглядомъ и идейной честностью, указалъ на то, что новое поколѣніе должно еще дорости до пониманія этой философи

Утрачено *непосредственное чувствованіе* гегелевой мысли, живое видѣніе съ нимъ вмѣстѣ, его міра и въ его спекулятивныхъ категоріяхъ и терминахъ. А въ этого чувствованія и видѣнія трудно говорить о его идеяхъ и воззрѣніяхъ. Ибо такова одна изъ основныхъ особенностей всякой гениальной мысли, что она *не можетъ быть понята одною мыслью*. А въ отношеніи къ Гегелю это обнаруживается съ особенною силою. Гегель, какъ выразился Розмини, влагаетъ во всѣ содержанія какъ бы „нѣкото-

рое безуміе“: онъ говоритъ обо всемъ и, даже, о самомъ обычномъ такъ, что оно повертывается къ зрителю какою то новою, невиданною, какъ бы внутренно-противорѣчивою и едва улавливаемою въ пониманіи стороною: въ знакомомъ раскрывается небывалое, въ простотѣ—сложность, въ неподвижномъ спокойствіи—смятеніе и хаосъ, въ доступности—неодолимая трудность; сдвигаются непривычно всѣ обыденныя понятія; мысль чувствуетъ себя какъ бы перемѣщенною въ новое измѣреніе и дивится, не довѣряя себѣ и своимъ содержаніямъ. Гегель видитъ предметъ по своему; онъ какъ бы *видитъ* его *мыслью* и *мыслимъ* его какъ бы *воочию*, приближаясь въ этомъ къ Пармениду и Платону.

Тотъ, кто говоритъ о „возрожденіи“ Гегеля, долженъ научиться видѣть съ нимъ вмѣстѣ: онъ можетъ потомъ отказаться отъ этого способа видѣнія, но онъ долженъ предварительно овладѣть имъ, чтобы знать, *что* же именно Гегель имѣлъ въ виду, *отъ чего* изъ этого, имѣвшагося въ виду, слѣдуетъ теперь отказаться, и *почему* именно. Всякой критикъ и всякому наученію необходимо предшествовать—*пониманіе* отвергаемаго и приемлемаго: историкъ философіи является прежде всего *историкомъ*, изучающимъ данную систему опыта и идеи, и лишь затѣмъ становится *философомъ*, самостоятельно созерцающимъ предметъ и критически сопоставляющимъ изслѣдованное ученіе съ предметнымъ содержаніемъ. Или, точнѣе: историкъ философіи, оставаясь все время философомъ, созерцаетъ предметъ сначала черезъ опытъ и черезъ идеи изучаемаго философа, а потомъ уже самостоятельно и критически.

Это означаетъ, что ему надлежитъ овладѣть изучаемою системою *изнутри*: принять ее въ себя, потерять себя въ ней и усвоить ее такъ, какъ если бы она была его собственнымъ созданіемъ,—усвоить ея стиль, ея актъ и ея содержаніе.

Всякое философское ученіе дано изучающему, прежде всего, въ видѣ ряда словесныхъ формулъ, въ большинствѣ случаевъ записанныхъ самимъ мыслителемъ и переданныхъ тисненію. Въ этой первой, словесной видимости скрывается нѣкое содержаніе, подразумѣваемое за каждымъ высказаннымъ словомъ. Для того, чтобы произведеніе могло быть признано аутентическимъ, связь между означающимъ словомъ и означеннымъ содержаніемъ должна быть обрѣтена и установлена самимъ мыслителемъ. Актъ

„облеченія въ словѣ“ доступенъ только тому, кто пережилъ содержаніе *непосредственно*; и только на второмъ планѣ могутъ быть приняты во вниманіе *не* непосредственныя формулы, протекающія изъ другого сознанія. Одиночество творящей души,—въ испытаніи и въ мысли, въ созерцаніи и въ словѣ,—не устранимо и ненарушимо ничѣмъ; и казалось бы, что, при такомъ положеніи вещей, утвержденіе Горгія о невозможности передать другимъ познанное (*οὐ δηλωτὸν ἄλλοις*), должно было бы получить полное признаніе. И, тѣмъ не менѣе, путь усвоенія чужого познающаго опыта возможенъ, необходимъ и реаленъ. Это есть путь *художественнаго отождествленія* исторически изучающаго духа—съ духомъ, творчески созерцавшимъ предметъ; осуществимость этого пути гарантируется природою *мысли*, придающей своимъ содержаніямъ характеръ *тождественности* и *повторяемости*; а критеріемъ или признакомъ того, что это отождествленіе состоялось, будетъ тотъ свѣтъ пониманія, которымъ освѣтится и сущность ученія и глубина самого объективнаго обстоянія: утвержденія и слова, свиду искажавшія природу единого для всѣхъ философскаго предмета, раскрываются и принимаются, какъ *или* порожденныя, какъ насыщенныя *его* присутствіемъ и отражающія *его* черты, даже въ своемъ неточности или ошибочности. Историкъ философіи заданъ осуществить *тайну художественнаго перевороченія*: *принять чужое предмето-созерцаніе* и усвоить его съ тѣмъ, чтобы раскрыть воочію его силу и его ограниченность.

Понять чужое ученіе не значитъ вложить *свое* содержаніе въ чужія слова; но значитъ обрѣсти то самое содержаніе, которое испытывать изучаемый мыслитель. Для этого необходима, прежде всего, готовность временно и условно отказаться отъ „собственного“, устойчиваго и негибкаго словоразумѣнія, или, вѣрнѣе, какъ бы „отложить его въ сторону“. Необходимо придать „своимъ“ „категоріямъ“, своимъ терминамъ, своему стилю — нѣкоторую мягкую уступчивость, нѣкую улавливающую впечатлительность и приспособляемость: весь аппаратъ и механизмъ „личнаго“ словоупотребленія долженъ быть приведенъ въ состояніе чуткой готовности слѣдовать за указаніями и за непосредственными проявленіями изучаемаго философа. Уловленное и замѣченное словообозначеніе должно быть многократно проверено и затѣмъ усвоено силою напряжен-

наго вниманія: необходимо выработать себѣ какъ бы второй стиль, второе словоупотребленіе, второе словоразумѣніе. И, притомъ, адекватное философскому разумѣнію данаго мыслителя.

Вся эта работа является, однако, лишь подсобнымъ приемомъ для разрѣшенія главной задачи. Художественное пріятіе *стиля* служитъ средствомъ для художественнаго воспроизведенія философскаго *акта*.

Проникнуть черезъ слово къ явленному и, въ то же время, скрытому въ немъ содержанію и адекватно воспринять его силами *своего* духа, возможно только черезъ воспроизведеніе того *акта*, которымъ осуществлялось философствованіе *изучаемаго мыслителя*. Каждый философъ творитъ свое познаніе *мыслью*; но при этомъ онъ своеобразно сочетаетъ или, даже, сплетаетъ ее съ другими душевными функциями.—внѣшняго ощущенія, воображенія, чувствованія и воленія. Сознательно или безсознательно, онъ выковываетъ себѣ изъ сочетанія этихъ функций—и первоначальный опытъ, если онъ вообще отдѣляется у него отъ мышленія. И, далѣе, самое мысленное „по-ятіе“ испытаннаго содержанія. Такимъ образомъ возникаетъ болѣе или менѣе сложный и дифференцированный, цѣлостный и гибкій актъ, допускающій и принимающій въ свой составъ каждую изъ способностей-компонентъ въ извѣстномъ индивидуально-своеобразномъ размѣрѣ и въ извѣстной субъективно-творческой интенсивности. Обращаясь къ единому, основному предмету, философъ созерцаетъ его, внемлетъ ему и „беретъ“ его именно этимъ *актомъ*; и, въ результатъ этого, онъ видитъ и познаетъ именно то и только то, что соответствуетъ *его* специфической структурѣ и природѣ. Тотъ, кто воспроизводитъ этотъ актъ, тотъ овладѣваетъ непосредственно имманентнымъ ему содержаніемъ, и, естественно, начинаетъ видѣть предметъ очами изучаемаго философа. *Силу* геніальнаго видѣнія повторить нельзя,—здѣсь возможна только большая или меньшая природная „конгеніальность“; но художественно воспроизвести духовное *строеніе* акта—возможно, а для историка философій—прямо обязательно. Только такое воспроизведеніе можетъ открыть дѣйствительный доступъ къ узрѣнному содержанію, и, въ то же время, подтвердить изучающему историкъ, что онъ движется по стопамъ изучаемаго философа. И, если усвоеніе *стиля* облегчаетъ усвоеніе акта, то воспроизведеніе акта откры-

васть предметные корни стиля. Такъ именно обстоитъ всегда у гениальнаго предмето-созерцателя: ритмъ предмета становится живымъ ритмомъ внемяющаго духа и находитъ себѣ адекватное явленіе въ ритмическихъ сверканіяхъ стиля.

Согласно этимъ требованіямъ, моя многолѣтняя работа надъ философіей Гегеля была посвящена именно усиленному художественному воспроизведенію его философскаго акта и попыткѣ увидѣть тотъ предметъ, который *онъ* видѣлъ и которымъ *онъ* жилъ. Это заданіе является, по существу, историческимъ; ибо дескриптивное воспроизведение „бывшаго“ и аналитическое познаніе его, въ имманентной ему законмѣрности,—составляетъ задачу историка. Однако это заданіе имѣетъ и философскую сторону; ибо раскрытіе сверхчувственнаго предмета, подлинно пережитого во внутреннемъ опытѣ и узрѣннаго силою сознательно-усвоеннаго философскаго акта,—всегда было и будетъ дѣломъ философа. Эта философская задача самостоятельнаго испытанія и формулированія получила для меня историческій предѣлъ: ибо актъ, которымъ я сознательно ограничилъ въ данной работѣ мое созерцаніе предмета, былъ актъ, описанный Гегелемъ и усиленно воспроизведенный мною, согласно его указаніямъ. Но именно поэтому я тщательно различаю между тѣмъ, что Гегель видѣлъ въ предметѣ и что вижу я самъ; и, умалчивая о послѣднемъ, я вижу себя вынужденнымъ ограничиться одною только внутреннею, „имманентною“ критикою его ученія: я касаюсь предмета лишь постольку, поскольку его касался Гегель, и поскольку его философія, познавая и ошибаясь, находила свою судьбу въ этихъ открытіяхъ и ошибкахъ. Постольку внутренняя „критика“ органически входитъ въ *историческое* изслѣдованіе и сливается съ аналитическимъ описаніемъ; тогда какъ внѣшняя критика, основанная на самостоятельномъ созерцаніи предмета, потребовала бы особаго *догматическаго* изслѣдованія, и, при отсутствіи его, превратилась бы въ своего рода *petitio principii*.

Предпринимая такую историческую работу, я исходилъ отъ убѣжденія, что она должна представлять не только *историческій* интересъ, но и *философско-пропедевтическій*, и *предметно-догматическій*.

Возстановить природу философскаго акта, осуществленнаго Гегелемъ, значитъ не только развернуть страницу „прошлаго“, но и вскрыть нѣкій классическій способъ фи-

лософствованія. Необходимо перевести этотъ способъ, не упрощая и не искажая его, на языкъ современныхъ понятій,— какъ бы разобрать и снова собрать его, открывая тѣмъ для каждаго возможность усвоить видѣніе Гегеля. Это значитъ показать, какъ возникаетъ и вырастаетъ настоящая, классическая философія; въ какомъ отношеніи она стоитъ къ предмету; какъ складывается ея методъ; и, наконецъ, какой характеръ, въ смыслѣ духовной чистоты, объема заданій и глубины проникновенія, имѣютъ ея лучшія созданія. Имѣя это въ виду, я задумалъ мою работу, о Гегель, какъ своего рода „введеніе въ спекулятивную философію“.

Но показать систему Гегеля въ томъ видѣ, какъ она вырастаетъ изъ его философскаго акта, направленного на предметъ, значитъ дать матеріалъ для *предметно-догматической критики*. Для того, чтобы выдѣлить въ этомъ ученіи „живое“ отъ „мертваго“, какъ это предпринялъ, Кроче, необходимо уже имѣть за собою эту работу. Нельзя „возрождать“ учение, неясное и проблематическое въ своемъ методѣ и содержаніи; не стоитъ подвергать критикѣ систему воззрѣній, не оправданную въ подлинномъ, личномъ опытѣ. Наконецъ, только интуитивное углубленіе въ духовную атмосферу философіи Гегеля можетъ застраховать это „возрожденіе“,—съ одной стороны, отъ томительнаго и безплоднаго эпитонства, беспильно повторяющаго сказанное съ незначительными измѣненіями („Modifikationen“, по выраженію Гегеля) и этимъ заполняющаго антракты между истинно-философскими совершеніями, съ другой стороны,—отъ случайнаго, внѣшняго заимствованія, отъ разламыванія ученія на недопонятые кусочки для болѣе или менѣе посторонняго и произвольнаго использованія. Возрожденіе гегелианства или совсѣмъ не нужно, или должно быть чѣмъ то несравненно большимъ, нежели простое „возрожденіе гегелианства“. Философія нуждается не въ повтореніи старыхъ ошибокъ и не въ подражаніи былымъ приемамъ, но въ *самостоятельномъ духовномъ творчествѣ,—основанномъ на непосредственномъ и подлинномъ предметномъ опытѣ*.

Проходитъ, повидимому, время того нерѣшительнаго и какъ бы запуганнаго философствованія, которое отправлялось отъ условно допущенныхъ и, въ сущности, произвольно чзбранныхъ предпосылокъ, или подвигалось впередъ исключительно *вмѣстѣ* съ кѣмъ вѣбудь,—опираясь или на

Какая, или на Фихте, или даже на тѣхъ, которые сами, въ свою очередь, только и могутъ существовать въ качествѣ „опирающихся“. Эта философія шла не отъ самого предмета, а отъ *чужой философіи*: эта чужая философія становилась сама „предметомъ“ и, притомъ, единственнымъ предметомъ. Характерная для всякаго эпатиства черта—утрата непосредственнаго познавательнаго соприкосновенія и единенія съ самимъ предметомъ, господствовала въ философіи, и мысль привыкала двигаться только за искусственными перегородками, создававшимися повышенной научною мнительностью. Писались трактаты о методѣ, а о предметѣ царило молчаніе. Люди, по превосходному выраженію Зиммеля, все только рассматривали очки, вмѣсто того, чтобы смотрѣть *въ нихъ*. Все только чистили оружіе вмѣсто того, чтобы сражаться имъ.

И вотъ, теперь слагается и крѣпнетъ обратное стремленіе. Тамъ и сямъ обнаруживается рѣшеніе прорваться за пределы предпосылокъ, методологическихъ допущеній, авторитетныхъ формулъ,—къ самому предмету: подойти къ нему непосредственно и самостоятельно, на свой рискъ и страхъ, безъ посредниковъ, „опоръ“ и другихъ помѣхъ, отнюдь не порывая съ наукой и научностью, но и не трепеща за сохраненіе традиціонныхъ и якобы единственно состоятельныхъ формъ этой послѣдней. Философія должна вступить на этотъ путь въ спокойной увѣренности, но съ живымъ чувствомъ познавательной и духовной ответственности. Она должна возродить и возстановить свой *методъ*,—не въ смыслѣ системы болѣе или менѣе отчетливо расчлененныхъ „понятій“ или „правилъ“, а въ смыслѣ творческой, систематически осуществляемой интуиціи, направленной на самый предметъ. И тогда она, быть можетъ, вновь осмѣлится признать себя особымъ, *универсальнымъ* способомъ познанія, *опытнымъ* по существу и *метафизическимъ* по предмету; тогда она перестанетъ страшиться „послѣднихъ“ проблемъ, но признаетъ и утвердить свое призваніе именно въ ихъ разрѣшеніи.

При этомъ систематическая форма ученія не можетъ и не должна быть предметомъ парочитыхъ поисковъ. Философія должна быть точнымъ выраженіемъ или адекватнымъ явленіемъ самого предмета; а, между тѣмъ, до изученія его никто не можетъ знать, имѣется въ немъ систематическое единство, или нѣтъ. Не можетъ быть такого зада-

нія: изобразить предметъ иначе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; напримѣръ, установить закономерность тамъ, гдѣ ея нѣтъ, или изобразить множество, мнущееся въ хаосѣ, какъ цѣлостное, органическое единство. Философъ долженъ заботиться только о *вѣрности предмету*, а „единство“ — или останется единствомъ *воззрѣнія*, или вольтется въ учение отъ самаго предмета, снизойдетъ, какъ даръ, какъ счастье, такъ, что познавшій его будетъ увѣренъ, что оно не *отъ* него, а лишь *черезъ* него.

Можетъ быть, ни одно философское учение не можетъ такъ содѣйствовать этому творческому подъему, какъ учение Гегеля. Одинъ изъ величайшихъ интуитивистовъ въ философiи, онъ настаивалъ на необходимости созерцательнаго погруженія въ предметъ, доведеннаго не только до полного самозабвенія, но до забвенія о томъ, что это самозабвеніе вообще состоялось: рассказъ о томъ, что было узнано въ этомъ погруженіи, будетъ уже не виѣшнимъ описательнымъ сообщеніемъ, но какъ бы рѣчью самого предмета о себѣ, за себя и отъ себя. И при такой энергiи вниманія и видѣнія, онъ не зналъ ни одного вопроса, который не стоялъ бы для него въ самой живой и непосредственной связи съ *последними* вопросами. Трудность пониманія, которую представляетъ его учение, объясняется отчасти той содержательной переобремененностью, въ которой все предстаетъ у него для непривычнаго глаза. Въ каждомъ познаніи у него свѣтится послѣдняя глубина: въ каждомъ опредѣленіи видится вся сложность его интуитивно-мыслящаго подхода. Можно было бы сказать, что для Гегеля нѣтъ не-последнихъ вопросовъ. II, передъ этой энергiей и глубиной, меркнетъ и отходитъ на второй планъ все его дедуктивно-діалектическое искусство.

Одно тяготивіе современной мысли къ его ученію является, само по себѣ, показаніемъ того, что ей необходимо что то большее, чѣмъ то, что питало ее доселѣ. Та особая осторожность, воздержность и мнительность, которыми характеризуется философствованіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, должна смѣниться въ недалекомъ будущемъ болѣею увѣренностью въ своихъ силахъ, умѣніемъ и желаніемъ брать на себя „вину“ и отвѣтственность самостоятельнаго и непосредственнаго познанія. Бѣды и страданія, пережитыя человѣчествомъ за послѣдніе годы, пробуждаютъ въ душахъ нескороенную потребность въ творческомъ,

предметномъ пересмотрѣ всѣхъ духовныхъ основъ современной культуры, и философія должна будетъ удовлетворить этому духовному голоду. Она должна будетъ вновь найти доступъ къ *научному знанію о сущности Бога и человека*. И въ этомъ отношеніи вліяніе Гегеля, съ такою силою и настойчивостью противопоставлявшаго объективизмъ и очевидность философскаго знанія — субъективной узѣренности, произволу и усмотрѣнію, можетъ оказаться воспитывающимъ сразу и въ сторону большаго, интуитивно-мыслящаго дерзанія, и въ сторону большаго познавательнаго отреченія субъекта отъ себя, отъ своего эмпирическаго самочувствія, своихъ расплывчатыхъ субъективныхъ настроеній и мнимыхъ „откровеній“, не поддающихся предметному оправданію

Философское значеніе гегелянства не въ томъ, чтобы ученичествовать, но въ томъ, чтобы учиться самостоятельному и предметному знанію о самомъ главномъ, что есть въ жизни человѣка.
